

Е.Г.ЧЕРВЯКОВА

ТРАДИЦИИ РАЗДЕЛЬНОРЕЧНОГО ПЕНИЯ У СТАРООБРЯДЦЕВ ПОМОРСКОГО СОГЛАСИЯ

Современная культовая практика старообрядцев представляет богатый материал для исследователей. Во многом интерес к этой культуре вызван высокой степенью сохранности в ней нормативов древнего религиозного мышления. Особой строгостью соблюдения исконных форм Богослужения отличаются старообрядцы поморского согласия.

В последние десятилетия одна из составляющих их религиозной практики – певческая традиция – стала объектом изучения музыковедов-медиевистов. Наиболее ранние исследования проводились в поморских общинах Прибалтики; впоследствии география изучения традиции расширилась: в нее включены общины поморцев Сибири.

Один из аспектов исследования певческой традиции поморцев связан с раздельноречной формой пения, по сей день использующейся ими в Богослужебной практике. Данная манера исполнения песнопений является показательной именно для старообрядцев этого согласия.

Понятие "раздельноречие" употребляется по отношению к особой архаической норме произношения церковнославянских текстов, которая противопоставлена современной по ряду фонологических параметров. Термин содержит косвенную характеристику звукового образа данного типа произношения с позиций современного нам восприятия. Составляющий основу раздельноречия принцип равномерного чередования гласных и согласных, будучи сопоставленным с действующей сейчас орфоэпической нормой, формирует представление об избыточном употреблении гласных в старославянском языке, их рассредоточенности в звуковом потоке, "разделенности речи".

Данная произносительная норма используется в первую оче-

редь в песнопениях – такой вид пения называют также хомовым (от часто употребляющегося окончания аориста 1 л. мн. ч. – *хомо*) и *наонным* (то есть содержащим многократные повторы звука [о], который обозначается буквой "он" в кириллице). Также она встречается и в читаемых текстах службы. Б.А.Успенский определяет данное явление как "литургическое произношение", функция которого состоит в маркировании речи Богослужения, противопоставлении ее речи мирской. В песнопениях же раздельноречие рассматривается как необходимый атрибут текста, позволяющий сохранить неприкосновенным первоначальный облик мелодической структуры (1).

Фонологическая система старославянского языка, на основе которой сформировалось раздельноречие, включала особую категорию звуков – сверхкраткие гласные, иначе – редуцированные. Они выступали в качестве самостоятельных фонем, различались в произношении, на письме передавались ерами – графическими аналогами твердого и мягкого знаков. Характер этих гласных как звуков неполного образования исследователи связывают с ослабленной их артикуляцией, которая возникает при произнесении неполным голосом (2).

Фонетическая специфика редуцированных повлияла на их дальнейшую судьбу в системе языка. В эпоху падения редуцированных эти гласные в слабых позициях перестают произноситься, а в сильных – совпадают с близкими по артикуляции гласными полного образования.

Преобразование фонетической системы старославянского языка происходило на протяжении определенного времени, при этом падение слабых еров предшествовало прояснению сильных, о чем свидетельствуют показания древних рукописей (3).

Помимо последовательного процесса падения сверхкратких в ряде рукописей встречаются многочисленные замены букв, передающих гласные полного образования, на еры. На основании этих текстов была создана (А.А.Шахматов, Н.Н.Дурново) и развита теория (Б.А.Успенский), в основу которой положена гипотеза о существовании в рассматриваемую эпоху специфического книжного произношения, отличающегося от произношения разговорной речи.

Факт падения редуцированных устанавливают по письменным источникам. Изменения фонетики не влияют на орфографичес-

кие правила: еры, обозначавшие уже не произносящиеся звуки, продолжают фиксироваться в тексте. Однако в случае ошибки – пропуска ъ или ь – становится очевидным отсутствие редуцированного звука в живой речи писца.

Таким же методом – сопоставлением нормативного написания и орфографических ошибок – были установлены особенности системы произношения еров в старославянском языке X–XIV вв. Согласно концепции Б.А.Успенского, в старославянском языке буквы **о** и **ъ**, **е** и **ь** являлись омофоничными, то есть каждая пара передавала не два звука, а один – гласный полного образования. При этом исследователь разводит произношение разговорное и книжное, моделируя систему обучения способу чтения еров следующим образом:

Орфография	Книжное произношение	Разговорное произношение
бо	[bo]	[bo]
бъ	[bo]	[bъ]

При чтении еры воспроизводились как звуки [о] и [е], а правильность орфографии сверялась с разговорным произношением.

Сформулированное таким образом системное правило орфоэпической нормы Б.А.Успенский подтверждает комплексом доказательств, в числе которых следующие:

– смешение **ь** и **е** не только в сильных, но и в слабых позициях, то есть в тех случаях, которые не имеют отношения к процессу прояснения редуцированных (***весе*** вместо ***вьсь***, ***золоб-*** вместо ***зълоб-***) (4);

– исправления гиперкорректного характера (то есть приводящие к ошибке), которые появляются как результат стремления избавиться от фонетического написания, в этих случаях еры появляются на месте этимологических гласных полного образования (***бъгъ*** вместо ***богъ***, ***тъбе*** вместо ***тобе***) (5).

Независимо от того, каким образом изначально прочитывались Богослужебные тексты – с использованием сверхкратких или с заменой их на гласные полного образования – форма записи звуков, соответствующих этимологическим редуцированным, с

течением времени претерпевала изменения. По отношению к крюковым рукописям Д.Разумовский (6) дает следующую периодизацию процесса этих преобразований.

Период старого истинноречия длился до XV в., предпосылки формирования новых тенденций имели место еще в XIV в. Над каждой полугласной буквой в книгах этого времени проставлены нотные знаки. С изменениями в системе языка "предки наши стали затрудняться произношением полугласных букв и ... исполнением звуковаго знака, стоявшаго над буквою полугласною" (7).

В XV в. произошли перемены в системе записи этимологических редуцированных, ознаменовавшие начало *периода раздельноречия*. На месте еров в певческих книгах в той или иной мере последовательно стали писать буквы *о* и *е*, обозначавшие звуки полного образования, родственные редуцированным.

Этот этап в истории православных песнопений завершился к середине XVII в., когда изменившиеся приоритеты дали повод к установлению в певческих текстах *нового истинноречия*. Крюковые рукописи исправлялись "на речь" – то есть вербальный текст песнопений приводился в соответствие с современной произносительной нормой.

Раздельноречная традиция исполнения Богослужебных песнопений на протяжении более чем двух столетий признавалась естественной и правомерной. И только в середине XVII в. в "Сказании о различных ересях и хулениях на Господа Бога и на Пречистую Богородицу, содержимых от неведения в знаменных книгах", принадлежащем перу инока Евфросина, впервые встречается негативная оценка подобной формы пения, в которой "всякия глаголы буквами лишними переломаны" (8).

Формирование нового отношения к раздельноречию обозначило различие двух моделей молитвенного общения с Божественным миром. В одной из них слово обращено в мир, в другой – к Божественной сущности, потому может выходить за пределы своего земного понятийного облика. Раздельноречие в контексте второго образца молитвы – молитвы Духом – является органичным атрибутом формы высказывания, поскольку для людей, язык которых в мирской жизни не знает реликтов архаического произношения, такое слово удалено от своего земного аналога.

Генезис подчеркнуто внематериального молитвенного слова

связан с эстетической концепцией "ангелогласного" пения, которая была унаследована Русским православием от Византийской церкви (9). В русских источниках она обнаруживает свое существование с XI в. Одно из первых упоминаний встречается в "Слове о законе и благодати" митрополита Илариона (середина XI в.). В этом тексте церковное пение, уподобленное Божественному, расценивается с эстетических позиций – как украшение величественного города Киева, благоденствующего под началом Владимира Святославича. Сочинение более позднего периода – Слово Кирилла, епископа Туровского "О снятии тела Христова с Креста" – устами Иосифа Аримафейского передает идею уподобления земного пения небесному в следующих словах: "Кыя ли надгробныя песни исходу Твоему воспою, Ему же в вышних немолчными гласы серафимы поют" (10).

Бесплотные ангельские силы в христианской теологической системе представлены как "служебные духи", призванные осуществлять коммуникацию между царствами Небесным и земным. Причастные к Божественному порядку, они излучают Божественную гармонию, приобщая к ней земные обители. Их "бесплотное немое действие", "умный возглас" и есть ангельское пение. Недоступное восприятию физическому, оно может быть постигнуто иным, духовным каналом восприятия.

Пение клироса в этой многоуровневой системе коммуникации должно быть уподоблено пению ангельскому, ибо только таким образом можно достичь изначальной Божественной гармонии, к чему устремлены души участников литургии.

Основу подобного понимания соподчиненности небесного и земного миров и механизмов их взаимодействия составляет модель мира, созданная Платоном. Стержневой принцип соотношения идеи и ее реализации в предметном мире стал ориентиром для многочисленных более поздних общеэстетических теорий, в том числе отличающихся от платоновской системы содержательным рядом, но сохраняющих ее структуру. В их число входят теория образа Плотина, получившая развитие у Климента Александрийского, псевдо-Дионисия Ареопагита (11).

В системе эстетического знания Иоанна Дамаскина эта теория в детализированном виде применена по отношению к иконическим изображениям. Религиозно-сакральные функции данного типа

образов близки пониманию роли пения в Русской православной системе:

– иконический образ не замкнут на самом себе, он предназначен возводить ум воспринимающего "через телесное созерцание к созерцанию духовному";

– иконы и предметы культа содержат "Божественную благодать", которая может проявить себя в действии – сотворить чудо;

– посредством иконы верующие могут приобщиться к священным событиям, иметь возможность "освящаться через них и возбуждаться к ревностному подражанию" (12).

Концепция ангелогласного пения содержит многочисленные функциональные аналогии перечисленных свойств иконических образов. Так, форма передачи небесной благодати предполагает непосредственное соприсутствие бесплотных сил в момент пения прихожан: "В нашем хоре незримо участвуют и горнии силы, потому что и горнии хоры, херувимы и серафимы заняты тем же – непрестанно воспевают Бога" (13).

Большое значение имеет и этический аспект певческой практики, состоящий в преобразовании человеческой сути под воздействием Божественного начала: "Духовные песни обладают великой пользой, назиданием и освящением и служат руководством ко всякой добродетели, потому что слова их очищают душу и Дух Святой скоро нисходит на человека, поющего эти песни" (14). Эта функция Богослужебного певческого искусства присуща в первую очередь той разновидности молитвенного слова, которое осуществляет передачу Божественной энергии в мир, и потому облик его приводится в соответствие с земными понятийными формами.

Направленность песнопений на совершенствование нравственного состояния прихожан актуализировалась в XVII в., с чем связана и история преобразования произносительной нормы в певческих текстах. Именно в это время проблемы социо-культурного характера стали проявляться в радикальных формах. Острота постановки многих вопросов связана, в том числе, и с возникшими сложностями в общественной жизни России начала века, которые усилили страстное стремление укрепить позиции государства как претендующего на роль Всеправославной империи и "Третьего царства". В понимании россиян это требовало большего внимания чистоте духовной жизни, утратить которую боялись, имея

пример Рима и Царьграда, за прегрешения лишившихся роли центров христианской культуры.

На этом культурно-историческом фоне были подняты вопросы, касающиеся элементов культового действа, которые, наряду с проблемами этического и религиозного воспитания нации, стали поводом к созданию движения Боголюбцев. Некоторые из них касались различных аспектов практики Богослужения. Раздельноречие оказалось в кругу целого блока проблем, связанных с формой восприятия молитвенных текстов. Так, несообразными стали считаться глоссолалические вставки в мелизматических распевах, разного рода "хабувы" и "аненайки".

Большой резонанс получила проблема многогласия – особого хода совершения службы, при котором несколько различных текстов исполняются одновременно. На церковном Соборе 1651 г. под воздействием ревнителей благочестия было установлено единогласие в качестве единственно возможной формы чинопоследования, однако в документах рубежа XVII–XVIII вв. еще фигурируют указания на необходимость искоренения многогласной практики Богослужения.

На раздельноречие также было наложено вето. Своим указом от 1652 г. царь Алексей Михайлович обязал: "о церковном знаменном пении предел учинити, еже бы всякое пение было во истинноречном пении везде во градех, честных обителех и селах устроено равночинно и доброгласно". Для приведения в исполнение данного распоряжения была создана комиссия из четырнадцати знатоков церковного пения, которые занялись правкой хомового текста "на речь". Работа комиссии была приостановлена в связи с эпидемией чумы в Москве и возобновлена в 1668 г. группой из шести человек во главе со справщиком Печатного Двора Александром Мезенцем (15). Корректировка раздельноречных певческих текстов была исходным и одновременно завершающим пунктом официального вмешательства государства в сферу церковного книжного дела.

На Соборе 1666–1667 г., ознаменовавшем раскол Русской православной церкви, единогласие и наречное пение были окончательно узаконены официальной ее ветвью. Причина возникших разногласий, имевших столь серьезные последствия, была далека от тех принципиальных проблем соблюдения чистоты веры, не-

когда поднимавшихся Боголюбцами. Ее суть сводилась к сохранности совершенных Никоном в 1655 г. и к тому времени уже устоявшихся изменений в Уставе. С одной стороны, эти перемены противоречили позиции ревнителей благочестия, так как отвергали исконный русский Устав, более древний, нежели современный греческий, с другой, – следовали их призывам к укоренению таких форм Богослужебной практики, которые учитывали, в первую очередь, законы восприятия. Единогласие и наречное пение ставились в позицию единственно возможных исходя из их целесообразности дидактического порядка: культовое действо должно стать доступно восприятию прихожан во всех деталях, следовательно, тексты – быть разборчивыми (без наслоений одного на другой), понятны (не вступать в противоречие с современной произносительной нормой) и не выходить за пределы разумного в формах украшений (исключать распевы с внесмысловой подтекстовкой). Согласно позиции Боголюбцев, соблюдение этих условий ведет к подлинному слиянию двух миров – сакральной цели литургии.

Один из наиболее ярких представителей религиозной мысли XVII в. – протопоп Аввакум (наиболее молодой из Боголюбцев) – продолжил дело своих сподвижников. Ссылаясь на решения Стоглавого Собора, он призывал следовать своему примеру: "... А церковную службу я сам читаю и пою единогласно, а песнопения пою в соответствии с речью, по печатным книгам слово в слово: крюки в роспевах мне не дороги" (16).

Те же идеи были воплощены в реформе Никона, являвшегося первоначально одним из представителей Боголюбцев. Но трагическая история раскола началась с того, что вместе с внедрением этих нововведений был отвергнут Русский Устав – достояние Церкви, что и вызвало волну протеста приверженцев истинного православия.

В противовес преобразованиям Никона старообрядцы сохранили прежние формы церковной службы. Однако сохранение раздельноречия не стало обязательным для всех последователей древлеправославной веры: следование этой манере исполнения песнопений или отказ от нее стали одним из признаков, которые отличают представителей разных толков.

К соблюдающим истинноречную манеру пения относятся старообрядцы, приемлющие поповство. Однако и в поповских общинах встречалось раздельноречное пение. Так, у ветковских ста-

роверов первоначально было принято пение хомовое, но в начале XVIII в. оно было заменено наречным (17).

Наряду с этим существуют примеры неприятия раздельноречия беспоповцами, как то происходило в случае с купцом Гавриилом Артамоновым, относящимся к федосеевскому согласию. Он был объявлен собратьями по общине еретиком за созданный в 1750 г. трактат "О хомовом пении". Свою позицию автор объясняет тем, что «... хомовое пение богословию разрушает, разум в речении развращает, печатным книгам не согласует, грамматике противится, в простых речах раскол творит..., слышащих простых людей не вразумевает..., во всем несогласно, во всем противно, во всем несходно" (18).

Также раздельноречное пение могло сохраняться и за пределами старообрядческой традиции. Например, хомовое пение использовалось архангелогородскими поморами (не из числа староверов) вне церкви – в домашнем обиходе, на кладбищенских литиях, при этом в храме полагалось петь "на речь" (19).

Проблема раздельноречия не утратила актуальность и в XX в. Так, на рассмотрение Первого Всероссийского Собора поморцев, состоявшегося в 1909 г., были поставлены следующие вопросы: "Какое пение правильное: на-он (раздельноречное) или наречное? Можно ли наречное пение называть еретическим и разделяться из-за этого?". Вердикт, зафиксированный в "Деяниях" Собора, гласит: "Пение на-он и на-речь предоставляется усмотрению прихода. Ни то, ни другое не хулить и из-за этого не крамолиться и не разделяться" (20).

На Курганском Соборе 1926 г. В.К.Чуевым в качестве аргумента в пользу подлинности сведений о существовании наречного пения в дониконовский период была представлена рукопись "Ирмосов новонаречного текста". Содержащаяся в ней подпись – "в 1652 году старцем Авраамием" – должна была засвидетельствовать правоту представившего ее. Однако Собор не согласился с выдвинутым доказательством ввиду того, что в 1652 г. началась правка книг Первой правительственной комиссией (21).

Как очевидно, раздельноречие имеет подоплеку быть как отвергнутым (законы восприятия требовали отождествления "неясных" певческих текстов и нормативов разговорной речи), так и соблюдаемым (охранительные тенденции и возможность вневер-

бальной нормы коммуникации в молитвенном акте). В итоге проблема правомерности использования данной формы пения остается для каждой общины вопросом индивидуального выбора. При этом приверженцы раздельноречия ссылаются на то, что контакт с Богом совершается и помимо понятийных форм, его противники – на необходимость унификации певческих и читаемых текстов.

Так или иначе, принятие или отрицание раздельноречного пения на данном этапе его существования является не только отражением установок эстетического характера. В рамках одной традиции наряду с раздельноречными текстами используются и тексты истинноречного образца. Помимо этого в пределах одного песнопения далеко не все позиции этимологических редуцированных сохранены в виде раздельноречия, часть из них оказывается утраченной. Степень сохранности этих элементов текста зависит от формы бытования конкретного текста: жанровые ограничения, частота исполнения в годовом круге чинопоследования, взаимодействие с речевыми формами (текст псалмов в одних случаях читается, в других – поется, при этом принимает свойства произносительной нормы современного образца) определяют облик фонетической организации вербального ряда песнопений. Также значимыми являются закономерности структурной организации напева: местоположение в музыкальной строке (многосоставной в стилистическом отношении), зависимость от попевочного свода песнопений, его графических (невменных) реализаций (предрасположенность одних знаков к сохранению раздельноречных элементов, а других – к утрате).

Таким образом, проблема функционирования раздельноречной манеры пения в традиции старообрядцев поморского согласия представляет интерес как явление сложной природы. Оно обусловленно многочисленными закономерностями общеэстетического, теологического и исторического порядка, которые выступают в комплексе с имманентно-музыкальными, семиотическими и текстологическими принципами организации песнопений. Изучение их направлено на поиск механизмов, регулирующих процесс адаптации раздельноречных текстов в разные исторические периоды, в том числе и современные его формы, используемые в Богослужебной практике староверов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Успенский Б.А. Одна архаическая система церковнославянского произношения (Литургическое произношение старообрядцев-беспоповцев) // Успенский Б.А. Избранные труды. Т.3: Общее и славянское языкознание. М., 1997; он же. Русское книжное произношение XI–XII вв. и его связь с южнославянской традицией (Чтение еров) // Успенский Б.А. Избранные труды. Т.3: Общее и славянское языкознание. М.,1997. (Далее – Успенский).

2. Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. М.,1983. С.80.

3. Успенский. С.197.

4. Там же. С.146.

5. Там же. С.195, 158.

6. Разумовский Д. Церковное пение в России. Вып.1. М.,1867. С.63–78.

7. Там же. С.64.

8. Музыкальная эстетика России XI–XVIII веков / Сост. текстов, перев. и общая вступ. статья А.И.Рогова. М.,1973. С.72.

9. Владышевская Т.Ф. Византийская музыкальная эстетика и ее влияние на певческую культуру Древней Руси // Византия и Русь. М.,1989.

10. Художественно-эстетическая культура Древней Руси / Под ред. В.В.Бычкова. М.,1996. С.286.

11. Иоанн Дамаскин, преподобный. Три защитительных слова против порицающих Святые иконы или изображения / Пер. с греч. Репринтное издание. Свято-Троицкая Сергиева Лавра,1993; Бычков В.В. Малая история византийской эстетики. Киев,1991.

12. Там же.

13. Настольная книга священнослужителя. Т.5. М.,1986.

14. Там же.

15. Музыкальная эстетика России XI–XVIII веков. М.,1973.

16. Там же. С.90.

17. Успенский. С.205.

18. Музыкальная эстетика России XI–XVIII веков. С.93.

19. Успенский. С.205.

20. Парфентьев Н.П. Памятники древнерусского певческого искусства и изучение истории духовной культуры (по материалам Урала XVII в.) // Культура и быт дореволюционного Урала. Свердловск, 1989. С.90.

21. Там же.